

Петровский-Штерн

Йоханан

Судьба средней

ЛИНИИ

Йоханан Петровский-Штерн

Судьба средней линии

За последние несколько лет среди множества книг и статей по русско-еврейской истории - переводных и отечественных - два издания показали мне особо примечательными. Собственно, не о них конкретно речь, а о подходах, в них представленных. Одно принадлежит крупному историку, другое - известному литературоведу-публицисту.

Первое представляет собой дайджест истории русских евреев XIX столетия, второе сосредоточено на важнейших болевых точках русско-еврейской истории за последние 25 лет существования империи.

В первом евреи России представлены в страдательном залоге: им навязывают неприемлемые формы образования, их ущемляют в важнейших и неотъемлемых правах, лишают возможности зарабатывать традиционными промыслами, силой запикивают в армию, изгоняют из деревень, обрекают на полуголодную жизнь в городах и местечках, подвергают насильной ассимиляции, провоцируют на революционный взрыв.

Второе исследование описывает евреев совершенно в ином свете: вся Россия оказывается заложницей, страдающей стороной, а евреи (во главе либералов и революционеров) - единственными, кто осуществляет свою волю в самом что ни на есть действительном залоге.

Здесь сами евреи разрушают русскую экономику, уничтожают государственных деятелей, идут в авангарде русского марксизма и даже устраивают погромы русского

населения, которое едва прикрывается от их разящих ударов жалким бутафорским щитом Союза русского народа...

За этими двумя подходами - целая литературно-публицистическая традиция, даже две: первая, вслед за американским историком Сало В. Бароном, получила название "слезливой" (*lachrymose*), вторую русские либералы называли "черносотенной". И с той, и с другой серьезная современная историография давно распрощалась. Но одно дело - отказаться от крайностей в оценках русско-еврейской истории, и совсем другое дело - нащупать новые подходы и выдвинуть новые концепции.

На протяжении последних тридцати лет (на Западе; последних десяти лет - в России) разработкой таких концепций и занимаются исследователи, изучающие еврейство Восточной Европы. Мне показалось разумным рассмотреть книгу "Двести лет вместе" в ряду такого рода новаторских исследований - тем более, что ее автор буквально с первых слов отрекается от тактики "односторонних укоров" и несколько раз в книге удрученно роняет словосочетание "судьба средней линии". Средней - по-видимому в смысле *aurea mediocritas*, золотой середины, равно отстоящей от двух вышеупомянутых подходов.

В какой-то момент читателю этих строк небесполезно будет узнать, что их автор - религиозный еврей, человек правых, консервативных взглядов, и уж точно - не либерал. В этом смысле солженицынская умеренно-консервативная позиция, его заслуживающая внимания заявка на "поиск всех точек единого понимания и всех возможных путей в будущее" (с. 6), а

также самоотверженная попытка "обоестороннего" (с. 5) освещения вопроса пишущему эти строки близка и понятна.

Не менее, чем автору книги "Двести лет вместе", мне равно набили оскомину и старая псевдолиберальная еврейская историография, горько оплакивающая безысходную и беспросветную судьбу русских евреев, и ультраконсервативная русская антисемитская публицистика, обвиняющая русское еврейство во всех смертных грехах.

В этом смысле поиск средней линии - существеннейший, если не единственно возможный подход к проблеме, заслуживающий внимания и еврейского историка, и современного русского читателя. Посмотрим, насколько последователен автор в своем стремлении эту среднюю линию прочертить.

КОНЦЕПЦИЯ

Первое, что отличает книгу, - четкая концепция, не лишенная, к слову, любопытного историософского пафоса. Солженицын последовательнейшим образом, с первых до последних страниц книги следует этой концепции.

По Солженицыну, начиная со времен Екатерины, евреев в России встречали с распростертыми объятиями, с нежностью и любовью, уравнив их первоначально в правах с христианами, сделав полноправными гражданами, пользующимися большей свободой, чем русские купцы и мещане, наделив их правами, каких они не имели в Польше (с. 37-38). Державин, объехав белорусские губернии, в своем докладе рекомендовал завести в еврейских общинах больницы, богадельни (неважно, что они искони существовали при любой

синагоге в форме хекдешей hekdesch), типографии для еврейских книг (во время его поездки в Украине и Белоруссии их было около двадцати), и открыть евреям путь более свободной и производительной жизни (с. 59) - чем не забота и любовь" Александр I, "благожелательный к евреям", отсрочил, а затем и окончательно приостановил выселение евреев из деревень, Николай I наделил их землей, Александр II пуше прежнего расширил их гражданские свободы...

Это как бы Россия - евреям. А они России - что?

В ответ на любовь к ним Екатерины - принялись спаивать белорусских крестьян, завалили рынок контрабандой, задавили русскую торговлю в Москве (с. 39-41, 47). В ответ на благожелательство Александра I и дарованные им права по образованию евреи еще сильнее сплотились вокруг своих устрашающих кагалов, продемонстрировали тупое сопротивление русской культуре, а еврейские депутации в Петербурге принялись распространять ложь о государственной политике в отношении евреев, чтобы посеять страх и набить карманы народными деньгами (с. 88).

Николай I пытался уравнивать евреев с русским населением в несении государственных повинностей, настаивал на запрете евреям использовать христиан в домашнем услужении - а евреи знай себе совращают в ересь тысячи православных (с. 98). Русское государство предоставило евреям пахотную землю; сам Николай I, с его неутомимой энергией и доброжелательностью, тратил казенные деньги на то, чтобы привить безземельному еврею любовь к земле, - а в ответ евреи довели до полного развала земледельческие колонии, заморочили правительство бесконечными финансовыми

претензиями (с. 106-113), а потом еще - через деятельность "Земли и Воли" - занялись подрывом устоев их вскормившего государства!

Упорная Россия не оставила попыток добиться еврейской взаимности, но евреи неприступны, а с конца XIX в. отвечают на постылые ласки гневом и мстительностью. Эпоха Великих реформ дала евреям ощущение отечества, возбудила к жизни еврейскую публицистику и литературу, привела к созданию еврейской интеллигенции (с. 174-75) - в благодарность евреи подготовили цареубийство 1 марта 1881 г. Россия нашла в себе силы понять необходимость еврейской эмиграции и относилась к ней "благожелательно" (с. 309) - евреи воспользовались ею, чтоб улизнуть от призыва в армию. Плеве всеми силами защищал евреев во время Кишиневского погрома - а евреи навсегда испортили международный престиж России брехней о нем (с. 329-332). Уже в начале века Столыпин "немо-административно" облегчал некоторые еврейские ограничения (с. 425) - евреи его и убили.

Здесь не место оспаривать факты, я лишь демонстрирую метод и стиль, подчеркивающие концепцию.

Ради ее доказательства Солженицын, мягко скажем, более чем свободно обращается с фактами, изымает из контекста цитаты и, главное - как будто напрочь забывает, что в дореволюционной России закон и полицейская практика не всегда совпадали. Все методы хороши, если с их помощью автора книги достигает своей цели - оправдать власть и обелить государство. Возьму наугад два примера.

По Солженицыну, евреев после 1835 г. стали допускать на государственную службу (с. 116); позволю себе напомнить, что и через сорок лет после этого "разрешения" доктора Абрама Гаркави, основоположника российской иудаики, не допускали преподавателем ни в один университет страны, поскольку он не был крещен. По Солженицыну, государство "принимало меры, чтобы еврейская одежда не так рознилась" от российской (с. 116) какая трогательная, поистине христианнейшая забота!

Только автор забывает напомнить, что, получив соответствующее распоряжение, полиция в северо-западных губерниях принялась вылавливать евреев на улицах, срезать им пейсы, подрезать ножницами полы лапсердаков и срывать с женщин парики (замужней женщине в традиционной еврейской семье запрещено обнажать голову на людях). Разумеется, при таком способе подачи событий, как у Солженицына, "все названное не выделяется как система жестокостей".

Куда там - у государства с евреями прямо-таки служебный роман!

И вообще, отношение к евреям в России - самое премилое, если кто и виноват в антиеврейских безобразиях, то молдаванин Крушеван, польские нерадивые помещики и агрессивные ксендзы, вроде Пранайтиса, раздувавшие дело Бейлиса, и вообще поляки, пустившие во время Первой мировой слух о еврейском шпионаже (с. 449, 480).

Виноваты также либералы и революционеры - ведь это народники раздували погромы в Одессе и Екатеринославе (с. 195). В киевском погроме виноваты

инородцы - среди имен городской и губернской администрации все какие-то нерусские (с. 377). В погромах виноваты, конечно, украинцы, а русским досталось совершенно несправедливо (с. 207) ...Но по большому счету, евреи виноваты сами (с. 210, 483, 120), причем в такой степени, что вот уже Богров, убийца Столыпина, представлен как косвенный виновник Бабьего Яра (с. 444).

ОБРАЗ

Какой образ еврея - и в целом русского еврейства - вырисовывается из книги Солженицына" Коротко: отталкивающий.

Евреи у Солженицына - непроизводительный народ (с. 52, 59), не хотят трудиться на фабриках и заводах (с. 244-245). У них врожденное отвращение к земледелию, они терпеть не могут работать на земле - ни в России, ни в Аргентине, ни в Палестине (с. 73, 76, 157, 256, 258, 267-268). Ненавидя созидательный труд, евреи всегда и везде эксплуатируют других. Начиная с княжеских времен и вплоть до конца XIX в. евреи - сборщики податей, "владеющие значительным имуществом" арендаторы, откупщики питей, поставщики водки, контрабандисты, банкиры. Они всегда заодно с врагами России: в приснопамятную эпоху - с неразумными хазарами (которым вполне по заслугам отмстил вещей Олег), в конце XVIII - начале XIX в. - с витийствующими поляками, в конце XIX в. - с погаными немцами, одним словом - заодно с любым потенциальным внешним врагом России.

Не случайно евреи, по Солженицыну, - всегда шпионы (в войне 1812 г. из-за них упустили арьергард

французских войск, в Первой мировой, снова из-за их шпионства, произошли провалы на германском фронте).

Но главное еврейское свойство восходит не столько к их эксплуататорской сущности, сколько к разрушительной 1. Сперва это свойство проявлялось в сдержанных формах: евреи потихоньку спаивали русский народ, тем самым закрепляя за собой право угнетать его и в дальнейшем. Но со времени введения государственной монополии на продажу водки евреи лишились возможности тайно разрушать - и тогда они обращаются к новой, открытой форме разрушения - к революции (с. 220).

Отцы-талмудисты, люди раввинистической учености, раньше беспрепятственно получавшие свои дивиденды от питейных откупов, теперь благословляют детей-революционеров на разрушение государственного строя России (с. 227, 240, 362).

Раньше раввины и кагал наживались за счет контрабанды товаров - теперь студенты раввинского училища контрабандой ввозят революционную литературу (с. 223). Раньше евреи спаивали деревню - теперь революционируют ее (с. 220)2. Но в какой бы роли евреи ни выступали - будь то бегущие в Америку от службы в армии ремесленники или уходящие в революцию дети раввинов, - их неизменно характеризует "пламенная беспочвенность" (с. 238). И читатель, не лишенный исторического чутья, призадумается: быть может, прав Сталин, обвиняющий евреев в "безродном космополитизме"

Плюс, везде где только можно евреи плетут заговор против Руси-России. "Протоколы сионских мудрецов" Солженицыным отвергнуты как не заслуживающие

доверия, но рожки "Протоколов" торчат отовсюду: евреи обольщают неискнушенного русского читателя каббалой (с. 20), соблазняют православных рационализмом и модой (с. 21), провоцируют русское сектантство и подрывают казну (с. 70), управляют "кагалом в союзе с раввинатом" (с. 35), содержатся кагалом в великом порабощении и страхе (с. 50), исполняют тайные убийства по велению кагала (с. 87), непонятно через кого и каким образом но "значительно влияют" на правительственный комитет (с. 57), и вот упоминание на одной странице "тайного общества" и "секретного салона" уже не кажется таким случайным...

Вместо проклятия вечного жида, Агасфера, обреченного на вечные, вплоть до прихода Мессии, странствия в диаспоре, Солженицын разрабатывает новую концепцию еврейской истории - а именно концепцию непрерывного расширения еврейского народа под влиянием нагревания в русской лабораторной пробирке.

Мы уже видели, что, по Солженицыну, нигде доселе еврейскому народу не было так душевно и физически тепло, как в России. А от нагревания тела, как известно, расширяются. Этим и объясняется, почему неуклонное расселение евреев по миру началось только после его встречи с русскими природными и культурными условиями.

По Солженицыну, именно здесь евреи впервые почувствовали, что им слишком жарко в объятиях России, им тесны рамки империи и что их не устраивает не по их мерке скроенный титул "важнейшего фактора влияния на жизнь России" (с. 121-122, 305). Им весь мир подавай - вот они и представлены в книге как некий

"стремительно растущий самоупорный организм". Именно поэтому и именно отсюда, из России, начинается триумфальное шествие еврейского расширения, оканчивающееся тем, что "неутомимая динамика еврейской коммерции" приводит в движение "целые государства", и вот уже евреи "определяют судьбы всего земного XX века".

Если это не механистически-позитивистское, в писаревском духе, развитие ключевой темы "Протоколов сионских мудрецов", то, простите за интонацию, тогда что?

ИСТОЧНИКИ

Чтобы удержаться в строгих рамках концепции "двести лет ненависти и мести в ответ на любовь и бескорыстие", тем более - для того, чтобы убедительно доказать правомерность этой концепции, Солженицын изобретает поистине замечательный способ работы с источниками. Во-первых, откровенно фило- и антисемитские источники просто не используются. Их как бы не существует.

Крупнейший историк русского еврейства Семен Дубнов, владеющий и внешней, и внутренней русско-еврейской историей (в отличие от Гессена, не умевшего читать документы на еврейских языках), чьи книги многократно издавались и переиздавались, Солженицына не устраивает: слишком много у Дубнова симпатий к своему народу, слишком "нутряной" подход к проблеме. По той же причине патологические антисемиты Бутми, Замысловский и Шмаков, едва ли не самые популярные публицисты среди русских консерваторов, также выведены из обихода: чтоб не спугнуть читателя.

И новейшей восточно-европейской историографии для Солженицына не существует: любимые его авторы - это работавшие в 1910-1920-е гг. Гессен и Шульгин, а с той поры по сегодняшний день ничего толкового как бы и не было (кроме еврейских энциклопедий, о которых ниже).

Огромный массив интереснейших работ, вводящих тысячи новых документов, голосов и концепций, обойден последовательным молчанием.

Работы Джона Клира из Лондонского университетского колледжа о русско-еврейских отношениях XIX века (о начале русского еврейства, о еврейской теме в русской прессе, о неоднозначной картине погромов), Майкла Станиславского из Колумбийского университета (о Николае I, о русско-еврейском просвещении-Хаскале), Эзры Мендельсона из Еврейского университета в Иерусалиме (о еврейском рабочем движении), Олега Будницкого из МГУ (о евреях в русской революции), Шимона Маркиша из Женевского университета (о русско-еврейской литературе), не говоря уже о ставших классическими работах Сало Барона, Айзека Левитаца, Луиса Гринберга, а также о сотнях московских и питерских книжно-журнальных публикациях последних десяти лет, - весь этот массив исследований, как русских, так и английских, тщательнейше обойден вниманием.

Четыре поколения исследователей, сделавших немало, чтобы, по слову Солженицына, "объемно и равномерно, обоесторонне осветить нам этот каленый клин", вычеркнуты из списка "голосов", одобренных внутренней солженицынской цензурой. Их - за борт.

Принцип замалчивания "оправдательных" и "неудобных" источников распространяется не только на современные, новые и новейшие монографии - но и на фундаментальные книги, исследования и документальные материалы XIX в., имеющиеся во всех крупных библиотеках России и Запада.

Возьмем три примера.

Скажем, водку, армию и черту оседлости. Выдающийся русский экономист Фундуклей, профессор Киевского университета (его именем называлась до революции одна из центральных улиц Киева), с цифрами в руках доказал, что уничтожение еврейской винной торговли в черте оседлости привело к усилению пьянства, резкому скачку цен на спиртное и повышению уровня преступности.

Наоборот, до его уничтожения абсолютный уровень пьянства в черте оседлости был ниже, чем во внутренних губерниях. Но эти цифры из единственного в России фундаментального исследования по этой теме не нужны - нужны совсем другие источники и другие цифры, как, например, пугающее соотношение числа питейных заведений в Восточных и Западных губерниях, другие, совершенно мифологические толкования, допустим, Лескова или Соловьева, о евреях, спаивающих русский народ, и другого типа факты (Гинзбург держал в осажденном Севастополе питейный откуп - читай: спаивал защитников отечества, с. 104-105).

Хорошо, согласен, допустим, Солженицын по-английски не умеет (хотя на одну допотопную английскую книжечку ссылается, я о ней и узнал из его сноски), про Фундуклея не слыхал (в чем сомневаюсь), но ведь думские отчеты он же цитирует.

Так почему к бумажной цифри Военного министерства, Пуришкевича и Замысловского, твердящих, что евреи - самые никчемные патриоты, больше всех в империи уклоняющиеся от армии, он, Солженицын, относится с почтением и обильно цитирует "недоброжелательного к евреям Шмакова" (с. 151-152), а до боли простую, всем очевидную цифру из докладов депутатов фракции народной свободы, упомянутую тут же, на чуть ли не на том же развороте, Солженицын замалчивает? Почему?

Потому что вместо нагромождения статистики уклонений там приводятся две простые цифры из тех же правительственных документов: процент всех евреев в армии - 4,94%, а отношение евреев к общему населению империи 4,%, из чего со всей очевидностью следует, что евреев в армии непропорционально много и разговоры об уклонениях и министерская цифирь идеологическая липа. Неудобный, ненужный источник - мы его и задвинем.

Наконец, черта оседлости, которой, по Солженицыну, и вовсе не было - а был, воспользуюсь его выражением, сильно расширенный край еврейского проживания (с. 43, 118, 119). Солженицын с завидной настойчивостью повторяет и варьирует эту мысль на разные лады: черта оседлости - фикция, евреи ездили и селились по всей территории империи, когда хотели и где хотели. От многократных солженицынских повторов пилюля черты оседлости слаще не станет, хотя истины ради следует сказать, что вопрос о проницаемости черты для разных слоев еврейского населения и в разные периоды совсем не однозначный.

Проблема в том, что для Солженицына неоднозначность отсутствует как таковая.

А разобраться в этой проблеме не так уж и трудно. Базовые источники лежат на поверхности, за ними не нужно ехать в библиотеку Мичиганского университета и подбирать никчемные статьи скучающих отставных большевиков из русско-американской прессы.

До Первой мировой войны в России появилось как минимум восемь солиднейших трудов - систематических обзоров действующих законоуложений правительства о евреях. Среди них - работы М. Мыша (1904, 1910), И. Гессена (1904), И. Фриде (1909), Л. Роговина (1913), Г. Ветлугина (1913), Я. Гимпельсона и Л. Брамсона (1914). Речь идет о тысячестраничных сборниках, построенных по такому принципу: подборка государственных законов разъяснения к ним Сената - запросы и жалобы в Сенат в связи с выполнением или невыполнением законов на местах.

Достаточно беглого просмотра соответствующих разделов, посвященных еврейскому праву на жительство, чтобы стало ясно: черта оседлости представляла собой важнейший механизм ущемления элементарных прав евреев России, и этот механизм, перпендикулярно концепции Солженицына, работал, как правило, исправно, а чем ближе к эпохе Николая II - тем эффективней. Из приведенных в этих источниках многочисленных жалоб в Сенат следует, что черта сжималась - не расширялась.

Дозволение ремесленникам селиться за ее пределами в середине 60-х гг. было в начале правления Александра III аннулировано.

Право на постоянное жительство в Москве, дарованное николаевским солдатам, отслужившим 25 лет в армии, было в 1891 г. отнято, старики-солдаты - с семьями, в разгар пасхального праздника - выдворены.

Высочайшая милость Николая, позволяющая участникам сражений русско-японской войны селиться за чертой, никогда не была реализована на практике: полиция изгоняла из северной столицы евреев - георгиевских кавалеров, приехавших ходатайствовать об исполнении на деле царской милости.

Полагаю, для Солженицына сенатские документы с сенатскими же разъяснениями, дающие красноречивую картину бесправия русских евреев, задавленных чертой, - недостаточно субъективный источник. Поэтому обращаться к ним не следует: зачем?

Лучше процитировать мемуары бывших столичных стряпчих или титулованных врачей - ведь для них черта действительно была проницаемой. Для них, живущих в столицах и составлявших меньше трех процентов русских евреев. А шесть миллионов пускай помолчат, им слова не давали.

В очень редких, почти исключительных случаях Солженицын все-таки снисходит до того, чтобы процитировать солидный источник, который именно в силу своей солидности и авторитетности идет вразрез с авторской концепцией. Показательно, как с ним обращается Солженицын. Так, например, Бен-Цион Динур, один из немногих серьезных еврейских историков, чьи выводы (а не вырванные из них цитаты) удостоились упоминания в книге, выведен, совершенно естественно, лжецом и обманщиком.

Солженицын даже не в состоянии процитировать его без того, чтобы не прервать на полуслове. Динур говорит: после присоединения Польши правительство обещало евреям права и сделало попытки их осуществить, но начались массовые изгнания из деревень, и было введено двойное налоговое обложение. Солженицын ернически выделяет курсивом все глаголы и вставляет в скобках: обещания исполнялись, попытки были успешными, изгнания из деревень никогда не осуществлялись, налоговое обложение последовательно не взималось...

И добавляет к цитате: "Если такое изложение истории считать объективным - то до истины не договориться" (с. 131). Я бы добавил от себя - если так обращаться с источниками, то и братья за дело не следует, а об истине надо вообще забыть - она автора не интересует. А интересует автора его собственная магистральная концепция, и он не остановится решительно ни перед чем, чтобы ее протащить.

По той же причине Солженицын умалчивает о важных с точки зрения русско-еврейской истории событиях, выпячивает другие, более чем второстепенные, водружает их во главу угла, решительно ломает иерархию смыслов и значений. "Протоколы Сионских мудрецов" - этот поистине "выдающийся вклад русской правой" в становление антиеврейской идеологии минувшего столетия - и вся общественная полемика вокруг них, упомянуты мимоходом. Иначе и быть не может: если рассказывать о них, то вся концепция разлетится в пух и прах и окажется, что государство российское вовсе не стоит у истоков христианского милосердия по отношению к евреям...

Главная тенденция конца XIX в. - стремительное обнищание еврейского местечка и не менее стремительная пролетаризация русских евреев (как раз и объясняющая появление Бунда и взрыв революционной активности еврейских рабочих) - вообще не упомянуто.

Нет еврейского рабочего класса - и все тут. Действительно, ведь еврей, по Солженицыну, всегда использует чужой труд, крестьянский либо промышленный, - какой из него пролетарий! Еще скажите, что Иосиф-плотник был евреем!

Поэтому когда где-то среди цифр всплывают 35% евреев, занятых на рубеже XIX-XX вв. в промышленности, догадливый читатель сразу поймет: речь идет о еврейских предпринимателях, владельцах предприятий и заводов, - и справедливо ахнет от ужаса: "Это ж два миллиона эксплуататоров-кровососов!". Поэтому и еврейское революционное движение возникает у Солженицына на пустом месте, как бессмысленно-разрушительное подражание русской революции, без каких бы то ни было культурных и социальных причин, иными словами - как очередная еврейская оплеуха русскому государству в ответ на дальновидный отказ этого государства проводить в жизнь варварские антиеврейские Временные законы Игнатьева. Зато десятистепеннейший эксперимент с насильственной попыткой привязать евреев (по преимуществу - городских жителей) к земле и превратить их в пахотных крестьян занимает первостепенное место (с. 71-81).

Что за невидаль, возразит смущенный читатель, замалчивать источники. С кем не бывает: одни источники процитировал, другие - нет.

Увы, возражу я, есть такие области человеческого знания, где сознательное замалчивание источников называется словами, лежащими за пределами литературной публицистики. Скажем, при разговоре о еврейских погромах.

К неспешному выводу, что евреи сами были виновниками погромов, Солженицын подводит нас в три этапа. Сперва он изымает из своего рассказа любое упоминание о том, что накануне первой русской революции государственный аппарат, консервативная пресса и МВД взяли на вооружение метафорику и тактику ультраправых. Лишь постфактум, как бы вспомнив о чем-то малозначительном, Солженицын упоминает о Союзе русского народа "жалкой, бессильной и безденежной партии", вряд ли способной на что-либо путное (с. 405-407).

Затем Солженицын рассказывает о евреях - участниках революционного движения: анархистах, большевиках, бундовцах - стреляющих, бросающих бомбы, готовящихся к захвату власти. И вот уже на фоне хиреющей под забором, спившейся и вызывающей разве что жалость черной сотни попытка еврейской самообороны 1905 г. действительно выглядит как наглость вооруженных до зубов молодчиков!

А теперь можно порассуждать и о погромах - иными словами, о том способе самозащиты, к которому прибегло несчастное русское правительство, чтобы от этих вооруженных еврейских молодчиков защититься.

Солженицын и здесь проводит тщательную селекцию. О киевском погроме он рассказывает только по отчетам полиции - хотя история русской революции

однозначно показала, что этот жанр - доносительский, доверять ему не следует.

Так, например, после полицейского расследования киевского погрома два десятка русских офицеров из киевского гарнизона, отнюдь не революционно настроенных, опубликовали открытое письмо, заявив, что полицейское расследование этого погрома - бесстыдная ложь. Да и Сухомлинов, новый киевский губернатор, был уверен, что его предшественник, при котором произошел погром, не поленился подлить масла в огонь.

Но автор книги "Двести лет вместе" прислушивается только к одной линии - полицейско-государственной, и вот у него уже "сенаторская ревизия" именуется "высшим классом достоверного расследования" (с. 371). Когда под рукой таких материалов не оказывается, а есть только другие - где сами русские государственные чиновники однозначно разоблачают полицию и власть как организаторов погромов, Солженицын их изымает из обихода.

Например, по Белостокскому погрому есть более сотни страниц думских отчетов; стенограммами Думы автор книги охотно пользуется - но только не в этом случае.

В результате о погромах Солженицын судит по доносам правых газет и полиции. О жертвах - по доносам. Здесь есть о чем задуматься автору "Гулага".

СТИЛЬ

А что остается? Какие источники - с точки зрения обычного читателя, весьма обильно представленные в книге - использует Солженицын?

Этот вопрос связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, нужно понять, кому дозволено высказываться по еврейскому вопросу в книге "Двести лет вместе" и почему. Во-вторых, важно понять как Солженицын использует свой материал, как он его располагает и комбинирует - иными словами, как у него историко-культурный материал пригнан к авторскому стилю. Остановимся на первом обстоятельстве. Здесь все очевидно: Солженицын охотно дает слово всем без исключения критикам русского еврейства.

Государственным мужам, ругающим евреев за нежелание заниматься производительным трудом и за хищническое отношение к крестьянству. Ассимилянтам-прогрессистам, а еще лучше - выкрестам, вроде Никитина, обрушивающимся на соотечественников, заплесневевших от Талмуда и замкнутости.

Сионистам, высмеивающим жалкие потуги евреев стать полноправными членами русского общества. Ассимилянтам-охранителям, негодующим по поводу ухода еврейской молодежи в революцию. Революционерам-большевикам, клеймящим бундовцев за узколобий национализм. Снова государственным мужам, возмущенным еврейским засильем в университетах и стремлением евреев улизнуть в Америку - только чтоб не служить в армии, - словом, всем, кто вбивает в русско-еврейские отношения солженицынский же "каленный клин".

Солженицын редко комментирует цитаты, по большей части берет их из вторых рук, но при этом не утруждает себя даже упоминанием того, что говорит об этих цитатах источник, из которых он их заимствует. Эти

цитаты включаются в текст книги на правах авторского голоса. Кавычки становятся как бы ненужными, поскольку стилистически Солженицын полностью с ними солидаризуется.

Полифония, которую отметили поспешные критики книги, - мнимая. Солженицын использует исключительно монолог, как бы соглашаясь со всеми, кого он допустил на страницы книги порассуждать о русских евреях.

Маскилы (еврейские просветители) презируют традиционную еврейскую культуру, требуют приобщения еврейства к общечеловеческой культуре Солженицын это не комментирует, поскольку и для него еврейская культура не есть часть общечеловеческой (с. 164). Правительство "отказывается относиться к евреям наравне с другими народностями Империи" (с. 165) - и тут никакой авторской реплики, автор заканчивает абзац цитатой и переходит к другой теме, подчеркивая, что в этом случае мнение правительства совпадает с его, Солженицына, мнением.

Там, где идеологи еврейской ассимиляции высмеивают "жаргон" (то есть идиш) и превозносят русский язык (с. 170), - Солженицын вновь обрывает абзац на цитате, втихаря соглашаясь с их критикой, и у читателя складывается мнение, что, разумеется, идиш - полужазык, а вот зато русский велик и могуч. А как же иначе - ведь сами евреи это признают!

Точно так же сливается с авторским голосом мысль иудеохристианина Португалова, призывающего евреев освободиться от обрядности и раствориться в европейских народах. Солженицын вылуцживает цитату из Краткой еврейской энциклопедии и вставляет ее в свой текст, но в энциклопедии она была соответствующим

образом откомментирована, а у Солженицына - нет, поскольку в этом случае автору удобно быть на стороне выкреста и ассимилянта. И наоборот, когда нужно пнуть Льва Леванду, того, кто первым собрал и систематизировал русские законы о евреях (автор книги понятия не имеет о его книге - к слову, настольной для любого историка), Солженицын приводит убийственную по отношению к Леванде цитату современного израильского критика (с. 177), для которого правовые требования русского шестидесятника XIX в. - пустой звук.

Солженицын, полагаю, прекрасно понимает, что очень легко сводить счеты с собеседником, когда у тебя по сравнению с ним на сто лет больший исторический опыт. Но это обстоятельство его не смущает - потому что в этом конкретном случае ему удобней выступать на стороне антиассимилянта и говорить его голосом.

В свое время Д.С. Лихачев заметил: "Цитирующий источники из вторых рук занимается карманным воровством". Метод "карманного воровства" возведен Солженицыным в основной принцип книги. Гессен цитирует доклад министра внутренних дел Игнатьева как образец лицемерия и жестокости, Солженицын аккуратно приводит цитату - но уже без гессеновских комментариев, делает при этом сносочку на Гессена, и оказывается вдруг, будто это сам еврейский историк соглашается, что необходимо оградить русский народ от "вредной деятельности" евреев и что евреи - все, скопом, "эксплуатируют окружающее население"!

Поскольку ссылок на подлинные документы Сената и правительства в книге нет и все они цитируются по чужим источникам (чаще всего, по Гессену и еврейским энциклопедиям), получается, что еврейские

энциклопедии одобрительно кивают обвинениям в адрес "талмудической нравственности", позволяющей без стеснения "эксплуатировать иноплеменника" (с. 201).

По такому же принципу используются в книге статьи из еврейских энциклопедий. Но энциклопедия - да простит меня читатель за банальность продукт своего времени, в ней тоже есть некая идеологическая линия, свои, обусловленные эпохой, смысловые пласты, и их нужно, как говорил в таких случаях А.Ф. Лосев, отшелушить, чтобы докопаться до истины.

Попробуйте себе представить историю российского государства, написанную на основании статей из энциклопедии Брокгауза и Ефрона и Большой советской. Это будет в точном смысле слова история государства, правительства, власти.

До революции - благословенной царской империи, после - не менее благословенной советской. Истории народа на основании этих энциклопедий не написать. Но Солженицына такие мелочи не останавливают.

При обсуждении проблем традиционной обособленности русских евреев автор использует дореволюционную Еврейскую энциклопедию, ясное дело, ассимилянтскую по преимуществу, воюющую из своего петербургского далека с этой обособленностью. Наоборот, для осмысления событий первой четверти XX в., прежде всего - революционного периода, Солженицын прибегает к решительно антиассимилянтскому израильскому изданию Краткой еврейской энциклопедии, по которому, уход русских евреев в революционное движение это позорное бегство от единственно верного сражения за Эрец Исраэль3.

Автора книги можно упрекнуть в чем угодно, только не в беспристрастности. Исполненный сословных, религиозных и психологических предрассудков, до смешного безграмотный отчет Державина - первый полномасштабный чиновничий донос на евреев России - назван, с симпатией, первым свидетельством просвещенного и государственного русского человека (с. 46). Доносы маскилов, еврейских просветителей, угодливо ищущих милости властей, цитируются обильно, без критического разбора, как "голоса", заслуживающие бесспорного доверия и уважения (с. 50). Антиеврейские пассажи Аксакова даны целиком, а филосемитские Салтыкова-Щедрина - с искажающими смысл сокращениями (с. 197-198).

Инсинуации Брафмана против Alliance Israelite Universelle, пахнувшие типографской краской "Протоколов", приводятся обильно и производят, благодаря авторскому самоустранению, тот же эффект, что и "Протоколы" (с. 179). Или нечто совсем запредельное: в разгар дела Бейлиса Розанов публикует неслыханные по силе обвинения (и таланта) памфлеты, истерически обличает евреев в употреблении христианской крови - автор книги "Двести лет вместе" упоминает Розанова как умеренного и сбалансированного критика, обеспокоенного "потерей меры" в современной ему еврейской прессе (с. 447).

Чем субъективнее, жестче, резче критика в цитируемых источниках, чем она обвинительней - тем лучше. Солженицын проговаривается в начале книги: его цель - рассеять "обвинения ложные" и напомнить об "обвинениях справедливых". Он и работает как прокурор,

не дающий оправдаться, не принимающий никаких возражений.

Благодаря этой счастливой находке "голоса", о которых так печется Солженицын, из обвинений (ложных или справедливых) превращаются в доносы, с которыми автор, по умолчанию, солидаризуется. У подсудимого русского еврейства как бы нет и не может быть последнего слова.

Представляете себе историю Гулага, составленную на основании доносов, где голос молчащего большинства заглушен, где свидетельские показания читаются обвинительным тоном и где последнее слово всегда за свидетелем обвинения. Вот такую историю русских евреев и написал Солженицын 4.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Ляпсусы и ошибки у Солженицына на каждом шагу. Их хватило бы на издание отдельной брошюры авторских перлов - в назидание потомкам.

Каждый из этих перлов грозил бы студенту-историку двойкой или в лучшем случае переэкзаменовкой, но классику все позволено.

Мысль бл. Августина о запрете истребления евреев автор преподносит как "простодушную грубую прямоту" Державина (с. 52).

Библия у Солженицына написана на иврите (с. 165), то есть современном еврейском языке, а не на древнееврейском, как следовало бы. Формулировка "будь человеком на улице и евреем дома", восходящая к немецкому еврейскому просвещению XVIII в., приписана И. Гордону, русско-еврейскому поэту XIX в. (с. 178). Хасиды, появившиеся на исторической сцене в последней

трети XVIII в., у Солженицына уже в XVII в. эмигрируют в Палестину (с. 255)5.

Ключевая аристотелианская цитата из одного еврейского документа именуется - с нескрываемой насмешкой, разоблачающей невежество автора книги - "одной из многих удивительных мыслей" (с. 228).

Большинство ошибок у Солженицына - тематические. У профессионалов они называются фрейдистскими оговорками. Государственный секретарь Перетц выкрест во втором поколении, и ближе к концу книги Солженицын об этом упоминает, но в начале книги он все равно зачисляет его в евреи, чтобы показать, что, мол, вот такая Россия толерантная страна: еврей мог дослужиться даже до государственного секретаря!

Обрусевший пруссак, потомственный дворянин фон Канкрин, министр финансов при

Николае I, назван, вероятно, с той же целью, "сыном раввина" (с. 281)!

Когда того требует концепция, автор не отличает евреев от выкрестов (христиан), и вот уже оказывается, что при Петре в России евреям были распахнуты двери (что полная ахиня). Испанская инквизиция позавидовала бы пронцательности Солженицына: он способен определить *limpidez de sangre* (чистоту крови) в четвертом и пятом поколениях.

Саксонский купец Грюнштейн был лютеранин, перешел в православие, в симпатиях к иудейским древностям замечен не был, но Солженицын все равно причисляет его к евреям, занимавшим видные посты при Елизавете (с. 29-30), чтобы подчеркнуть, как любвеобильна матушка-Россияб.

Впрочем, и "крупные перлы" - то есть перевернутые события и факты, вполне вписываются в концепцию автора книги и продиктованы ею. Солженицын отсчитывает с 1843 г. начало пугающе настойчивого влияния Запада (в данном случае, в лице королевы Виктории и Монтефиоре) на еврейскую политику русского правительства, тогда как после упомянутого в книге визита Монтефиоре в Россию в 1843 г.

Николай начал втрое и вчетверо сильнее закручивать гайки - и в принудительной реформе еврейского образования, и в вопросах массовых крещений кантонистов. Движение еврейского просветительства было, по Солженицыну, - "разумеется, в духе времени - вполне секулярным" (с. 169), тогда как особенностью еврейского просвещения в Восточной Европе был как раз его несекулярный характер: русские маскилы мечтали о том, как совместить традицию с цивилизацией, а не заменить первое - вторым.

Полуграмотный Лилиенталь, жаждущий славы и государственного оклада выскочка и сноб, при упоминании имени которого вздрагивали от омерзения евреи Бердичева и Минска, по словам Солженицына, "не встретил открытой враждебности" в поездке по местечкам черты (с. 123).

Еврейские солдаты из кантонистов после коронационного манифеста 1856 г. возвращались к своим родителям:

Солженицыну полезно знать, что, в отличие от всех остальных, именно евреев-кантонистов домой не отпускали, - Впрочем, у меня, надеюсь, еще будет возможность высказаться на эту тему. По Солженицыну, в 60-е гг. не утихла борьба между раввинами и хасидами

(с. 171), хотя к этому времени она уже давно сменилась объединением этих двух сил против общего врага ассимиляции.

Вот еще один, поистине гениальный перл: "А если бы значительный еврейский массив не перешел из тесной Польши в обширную Россию - то и вообще не возникло бы понятие "черты оседлости"" (с. 120).

Вот ведь как - оказывается, не Россия пришла к евреям, заняв в результате трех разделов всю правобережную Украину, Белоруссию и территорию будущего Царства Польского, а евреи по своей доброй воле перешли из Польши в Россию. То есть - сами виноваты, что образовалась пресловутая черта.

КОНТЕКСТ

Точно так же, как Солженицын замалчивает мнение тех источников, из которых он берет цитаты, он последовательно игнорирует исторический контекст. Весь польско-украинско-русско-еврейский узелок автор книги "Двести лет вместе" не распутывает, а разрубает - легко, с плеча, одним завидным ударом: так, например, по Солженицыну (идушему след в след за Шульгиным), евреи "омужичили" некогда сильное русское мещанство в Юго-Западном крае, поэтому такими слабыми оказались малороссийские города (с. 300).

Откат от реформ, совпавший со второй половиной правления Александра II и доведенный до открытой контрреформы Александром III, не упомянут. На этом фоне ограничение приема евреев в университеты преподносится Солженицыным как вынужденная мера самозащиты государства от наплыва евреев, жаждущих получить образование, а не как обыкновенное

свертывание реформ и отказ от обещаний, данных правительством (с. 181).

Полное забвение экономического контекста, намеренное замалчивание стремительнейшей пауперизации евреев северной части черты оседлости в последнюю четверть XIX в. приводит к тому, что вдруг, с бухты-барахты "крепостью Бунда" становится "северо-западный край". Мол, дух витает, где хочет: захотели евреи обосноваться где-нибудь вокруг Гродно и Вильно, чтоб недалеко от северной столицы империи - чего им стоит! Поскольку Солженицын начисто игнорирует польский контекст и Малороссия у него (без различия право- и левобережной Украины) оказывается исконно российской, то и еврейское присутствие в Малороссии, насчитывающее к XVIII в. как минимум четыре столетия, преподносится как благожелательство русских царей (с. 26-27).

В целом, читая книгу, проникаешься глубоким чувством благодарности русской земле, подарившей евреям ну буквально все, "всю образованность и все богатство" (с. 305), даже "печатную культуру на идиш, которой раньше не было" (с. 455).

Аж слеза прошибает.

Солженицыну невдомек, что эта печатная культура существует с XVI в., что в России долгое время был запрещен идишистский театр и что все идишистские издания во время Первой мировой были закрыты как шпионские запрещалось даже письма на фронт писать на идиш (тем не менее в книге говорится об идишистской прессе 1915 г.).

Но для автора книги это не преграда, ведь Россия, как известно, родина слонов, а значит, и дарохранительница идишистской печати.

ЧИТАТЕЛЬ

Разумеется, Солженицын не забывает о читателе - в том числе и о еврейском, и о либеральном, о том, кто будет читать его книгу пристрастно. Для него, жаждущего хоть какой-нибудь объективности, хоть глотка правды и надежды, в тексте разбросаны (не то что бы уж очень часто) красивые патетические сентенции. Вроде: "духовная беспомощность наших обоих народов", "мы копали бездну с двух сторон", "евреи всех нам ближе" (с. 405, 468).

И читатель с радостью накидывается на них - вот ведь как мудро, какая прямота и честность! - заглатывает наживку, а вместе с ней - и всю книгу.

Нет, солженицынская книга, вопреки постулатам автора, - не средняя линия в понимании истории евреев России, а самая что ни на есть антиеврейская, да еще приправленная псевдонравственными сентенциями и обставленная псевдоакадемическими атрибутами.

Но ссылки, цитаты и авторитетные имена вряд ли способны затушевать крупный план солженицынского полотна.

Хочет того Солженицын или нет, но его книга закрепляет все самые лживые, дурные, безосновательные, предрассудочные и, увы, ультраконсервативные представления о евреях, сложившиеся в традиции русской мысли.

Как это происходит" Приведу один любопытный пример. В украинских фольклорных песнях, датированных

концом XVIII - началом XIX столетия, есть упоминание о жидях-арендаторах, взимавших мзду с православных прихожан за право исполнять в церквах духовные требы. Тем самым как бы задним числом оправдывалась жестокость хмельнитчины и гайдаматчины. Вскользь упомяну, что еврейский закон категорически запрещает практику аренды культовых зданий других народов, рассматривает ее в ряду трех самых страшных преступлений (авода зара, гилуй арайот, шфихат дамим).

Кроме того, украинская историография пока не зафиксировала ни одного случая отдачи церквей евреям в аренду. Опираясь на свою профессиональную интуицию, Костомаров считает легенду достоверной. После него эту легенду заимствуют - теперь уже как правду из авторитетного источника - правый публицист Катков и еще более консервативный газетчик Шульгин. Солженицын упоминает об аренде "хлопских", то есть православных, церквей евреями и добавляет: "как сообщает ряд авторов - Н.Н. Костомаров, М.Н. Катков, В.В. Шульгин".

И вот уже легенда подкрепляется тремя представителями русской мысли, и у читателя складывается ощущение, что так и на самом деле было, ведь три автора подписались!

Завтра какой-нибудь молодогвардейский Куняев напишет: "жиды арендовали церкви и заставляли православных платить за пользование", и добавит, если сочтет нужным: "как сообщает ряд авторов - Костомаров, Катков, Шульгин, Солженицын".

СУДЬБА КНИГИ

Судьба этой книги будет долгой и счастливой. В еврейской (и, полагаю, русской) историографии она по праву займет место шедевра русской антисемитики.

Ее, бесспорно, оценят много выше сочинений предыдущих классиков жанра - Бутми, Шмакова, Нилуса, Шульгина или Кожина. Чтобы отметить особые достоинства книги, ее назовут образчиком "конструктивного антисемитизма".

Книге поставят в заслугу то, чего в ней, казалось бы, нет: скажем, похвалят за отсутствие в ней ползучей животной ненависти к евреям, столь свойственной традиционной русской ультраправой публицистике.

Из книги извлекут не один полезный урок. Толковому историку - России или евреев Восточной Европы - книга "Двести лет вместе" послужит прекрасным дидактическим пособием недобросовестности в обращении с историческим материалом, классическим примером предвзятости, подавившей благородное стремление автора к "праведному освещению прошлого" и "поиску доброжелательных решений на будущее".

Но больше всего пользы из книги извлечет не историк, а публицист: правый лагерь золотыми буквами впишет ее название в свои кумачевые анналы.

Для завтрашних пуришкевичей книга Солженицына станет настольной, поскольку в той или иной форме в ней воссозданы и освящены именем выдающегося литературного классика, правозащитника и страстотерпца главные антиеврейские инвективы русской охранительной публицистики.

Новой русской правой невероятно повезло: теперь ей не нужно брезгливо перелистывать допотопную еврейскую историографию, ворошить тома думских стенографических отчетов, выискивать национальную самокритику в трудах еврейских писателей-сионистов, вылуцивать имена двурушников из Российской еврейской энциклопедии - воистину, этот титанический труд худо-бедно уже проделан автором книги "Двести лет вместе".

Идеологи правого лагеря смело отринут легко устранимые - и совершенно вторичные - филосемитские реверансы и редкие укоры в сторону ультраправых. Они решительно отвергнут неуклюжее балансирование автора между "и вашим, и нашим".

Зато они многожды пустят в оборот непроверенные, перевернутые и вырванные из аналитического контекста приведенные Солженицыным цитаты иными словами, подхватят и обессмертят сам солженицынский метод, которому суждено стать замечательной находкой в руках неумомимых тружеников антисемитской нивы.

Разумеется, для книги это - бессмертие. И перед лицом этого пугающего бессмертия задаю себе один из тех вечных вопросов, на которые нет ответа.

Что делать простым смертным, когда камертон, по которому они сверяют свое нравственное чутье, вдруг начинает нестерпимо фальшивить?

Что делать русским евреям, читателям книги "Двести лет вместе", для которых Солженицын навсегда остался правдоискателем, антитезой государственной лжи, автором "Матрениного двора" и "Ракового корпуса"?

Как им преодолеть стыд за автора книги "Двести лет вместе" и как, после такой пощечины, продолжать читать и любить Солженицына?

Что делать тем, кто в 70-е, рискуя головой, распространял машинописные копии "Ивана Денисовича" и испытывал огромную радость, что участвует в большом общем деле, - как им сегодня совместить эту радость с растерянностью и недоумением, вызванными чтением солженицынской книги?

1 Чтобы доказать, что кроме разрушения и раскочки государственного корабля евреи ничего не принесли России, Солженицын посвящает революционерам и банкирам сотни страниц, а русско-еврейской культуре " несколько абзацев (с. 168 " 169). В противном случае, заговори Солженицын о русско-еврейской культуре, оказалось бы, что евреи тоже кое-что подарили России, искренне и с любовью. Но у Солженицына искренность и любовь " прерогатива русской государственности, евреям таких свойств иметь не положено.

2 По Солженицыну, стремление евреев разрушить Россию настолько очевидно, что даже если кому-нибудь из них по стечению обстоятельств не удалось чего-нибудь существенного поломать " автор книги так и пишет: Зунделевич "арестован рано, не успел принять участие в царубийстве" (с. 229). Ой-вей, какая жалость, не успел!

3 В тех же случаях. Когда информация энциклопедий " и той, и другой " категорически не устраивает Солженицына, как, например, в случае с погромами 1881, 1883 гг., он сталкивает их лбами и говорит как бы с симпатией к потерпевшим, что погром " слишком страшная вещь, чтобы манипулировать

цифрами жертв, то есть " спорить, сколько погибло (с.188 " 191). К слову " именно таков метод работы тех, кто отрицает Холокост.

4 Я оставляю в стороне разговор о том, как будут читать "Архипелаг Гулаг" после книги "Двести лет вместе" и какую медвежью услугу самому себе оказал автор, по сути, поставив под сомнение свою добросовестность в обращении с документами.

5 Если это досадная и пропущенная корректором опечатка, добавлю, что Восточная Европа не знала феномена хасидской эмиграции ни в конце XVIII в., ни в конце XIX в.

6 К авторской концепции восходят не только историографические ошибки книги, но и ее языковые проколы. Любовь русского государства к евреям " не платоническое чувство, а полнокровная эротика: и вот уже еврейская литература начинает развиваться, "стимулируясь образцами русской литературы".